

214	0169	АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ	"Ветер разлук"
-----	------	------------------	----------------

"Ветер разлук" (Коренблиг – Несмелов)

1. Под огненной грушею - 1.38
2. Буржуазка - 2.26
3. Роман на Арбате - 2.30
4. Красавице - 2.16
5. Античный мотив - 2.16
6. Флейта и барабан - 2.14
7. Разрыв - 2.14
8. Ветер разлук - 1.41
9. Сны - 2.32
10. Отверженность - 1.31
11. Самцы - 1.32
12. Давнее - 1.31
13. Паровоз - 1.17
14. Спутница - 2.55
15. О России - 3.23
16. Пираты - 1.15
17. В скрипке - 1.19
18. В изгнании - 1.35
19. Возвращение - 2.45
20. Эпилептик - 2.14
21. Ясность - 1.50
22. Закипающие струны - 1.34
23. Белая флотилия - 1.14
24. На цыпочках - 1.42
25. Бродяга - 1.31
26. Очень темно - 2.24
27. У предела - 1.56
28. Возмездие - 2.17
29. Последнее - 1.23
30. Перед Новым годом - 1.38
31. Новогодняя ночь - 2.47
32. Судьба-злодейка - 1.50

Общее время звучания – 63.10

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПОД ОГНЕННОЙ ГРУШЕЮ

Слепну под огненной грушею

В книгах чужих.

Слишком доверчиво слушаю

Колокол их.

Слишком доверчиво верую

В ловкую ложь.

Слишком бездонною мерою

Меряю дрожь.

Власть над душою чужому дав,

Чем я богат?

Плещется в собственных омутах
Рыба и гад.

Что до чужого мне ужаса,
Что я ищу,
Если над полночью кружится
Птица – вещун?

Если над озером, вечером
Желтым, как медь,
Кречетом, раненым кречетом
Сердцу запеть!

Нынче, под огненной грушею
Ночь истребя,
Слушаю, бешено слушаю
Только себя.

2. БУРЖУАЗКА

Вы, девочка, вы барышня и мисс,
Сегодня все опять расскажет папе,
Ведь вы опять пошли на компромисс,
Опять поэт в широкополой шляпе!

Rara на рынке понижает рубль,
И вас, мой перл, оберегает строго,
Он думает, что я угрюм и груб,
Что я апаш, что я не верю в Бога.

Он прав, отец. Он говорит, что я,
Смеясь, прошел сквозь многие мытарства...
Вы нежите, вы дразните меня
Изнеженным и развращенным барством.

И я сломаю вашу чистоту,
И ваши плечи, худенькие плечи
Моей любви поднимут тяготу
И понесут ее сквозь жизнь далече.

И знаете, я – крошечная моль,
Которой кто-то дал искусство видеть,
Я причиню вам яростную боль
И научу молчать и ненавидеть.

3. РОМАН НА АРБАТЕ

Проскучала надоедный день
В маленькой квартирке у Арбата.
Не читалось. Оковала лень.
И тоской душа была измята.

Щурилась, как кошка на огонь,
Куталась в платок: «Откуда дует?»

И казалось, что твою ладонь
Тот, вчерашний, вкрадчиво целует.

А под вечер заворчала мать:
«Что весь день тоской себя калечишь?»
Если б мог хоть кто-нибудь сломать
Эти сладко ноющие плечи!

И читала, взор окаменя,
О любви, тоскующем аббате...
Ты влюбилась, нежная, в меня
В маленькой квартирке на Арбате.

4. КРАСАВИЦЕ

Глаз таких черных, ресниц таких длинных
Не было в песнях моих,
Лишь из преданий Востока старинных
Знаю и помню о них.

В царственных взлетах, в покорном паденьи –
Пение вечных имен...
“В пурпур красавицу эту оденьте!”
Кто это? – Царь Соломон!

В молниях славы, как в кликах орлиных,
Царь. В серебре борода.
Глаз таких черных, ресниц таких длинных
Он не видал никогда.

Мудрость, светильник, не гаснущий в мифе,
Мощь, победитель царей,
Он изменил бы с тобой Суламифи,
Лучшей подруге своей.

Ибо, клялись на своих окаринах
Сердцу царя соловьи:
«Глаз таких черных, ресниц таких длинных –
Не было...» Только твои!

5. АНТИЧНЫЙ МОТИВ

Цезарь на Форуме статуи ставит любимым,
Виллу любовнице ставит надменный богач...
Мне ль состязаться, милая, с царственным Римом,
Если фортуна мне не дарует удач!

Даже ничтожным, той гладиаторской силой,
Что восхищает наших надменных матрон,
Мне не увлечь и не порадовать милой,
Ибо я музой горьких раздумий пленен.

Что ж я ликую? Ах, обрывая беседу
В час, когда пир к шумному близок концу,

Ты обернешься и не ответишь соседу,
Чтоб улыбнуться нежной улыбкой певцу.

6. ФЛЕЙТА И БАРАБАН

У губ твоих, у рук твоих... У глаз,
В их погребках, в решетчатом их вырезе, -
Сияние, молчание и мгла,
И эту мглу – о, светочи! – не выразить.

У глаз твоих, у рук твоих... У губ,
Как императорское нетерпение,
На пурпуре, сияющем в снегу, -
Закристаллизовавшееся пение!

У губ твоих, у глаз твоих... У рук, -
Они не шевельнулись и осилили,
И вылились в согласную игру:
О лебеде, о Лидии и лилии!

На лыжах звука, но без языка,
Но шепотом, горя, и в смертный час почти
Рыдает сумасшедший музыкант
О Лидии, о лилии и ласточке!

И только медно-красный барабан
В скольжении согласных не участвует,
И им аккомпанирует судьба:
- У рук твоих!
- У губ твоих!
- У глаз твоих!

7. РАЗРЫВ

Бровей выравнивая дуги,
Глядясь в зеркальное стекло,
Ты скажешь ветреной подруге,
Что все прошло, давно прошло;

Что ты иным речам внимаешь,
Что ты под властью новых встреч,
Что ты уже не понимаешь,
Как он сумел тебя увлечь;

Что был всегда угрюм и нем он,
Печаль, как тень свою влача...
И будто лермонтовский Демон
Глядел из-за его плеча...

С ним никогда ты не смеялась,
И если ты бывала с ним,
То лишь томление и жалость
Владели голосом твоим.

Что снисходительности кроткой
 Не можешь ты отдаться вся,
 Что болью острой, но короткой
 Разрыв в душе отозвался.

Сверкнув кольцом, другою бровью
 Рука займется не спеша,
 Но, опаленная любовью,
 Не сможет лгать твоя душа!

И зазвенит она от зова,
 И всю ее за миг один
 Наполнит некий блеск грозный
 До сокровеннейших глубин.

И вздрогнешь резко и невольно,
 К глазам поднимется платок,
 Как будто вырван слишком больно
 Один упрямый волосок.

8. ВЕТЕР РАЗЛУК

Льстивый ветер целует в уста
 И клянется, и никнет устало.
 И поселок серебряным стал,
 И серебряной станция стала.

Не томи, не таись, не таи:
 Эти рельсы звенят о разлуке;
 Закачали деревья свои
 Безднадежно вздетые руки.

И ладонь не тяни же к виску,
 Злую память назад отодвинь же:
 Эта ночь превращает тоску
 В лунный свет на картинах Куинджи.

И душа растворяется в нем,
 Голубом и неистово белом,
 И не в дом – мы безмолвно идем
 В саркофаг, нарисованный мелом.

9. СНЫ

За то, что ты еще не научилось
 Покою озаряющей любви,
 О, погружайся, сердце-Наутилус,
 К таинственному острову плыви!

Ни возгласов, ни музыки, ни чаек.
 Лишь крест окна, лишь точная всегда,
 Секунду погруженья отмечает
 Серебряно-лучистая звезда.

И тонет мир... Светящийся, туманный,
 Как облако всплывает надо мной.
 Последний всплеск последняя команда, -
 Я в вашей власти, капитан Немо!

Как сладко жить блужданиями ночными,
 Как сладко знать, что есть бесценный клад
 Ночных путей, что утро не отнимет,
 Не опрокинет выпланных клятв!

Что даже, если сердце отреклось бы, -
 На завтра, в те же самые часы,
 Как рыбий глаз засветит папироса,
 И двигателем застучат часы.

К окну прихлынет сумрак синеглазый,
 Заплещет шторы пробужденный ласт,
 И капитан в скафандре водолаза,
 Приблизится и руку мне подаст!

10. ОТВЕРЖЕННОСТЬ

Вода сквозь щели протекла,
 Твое жилье – нора миноги.
 А там, за зеленью стекла,
 Стучат бесчисленные ноги.

Сухими корками в крокет
 В углу всю ночь играла крыса,
 И вместо Кэт, ушедшей Кэт
 Тебя жалела Василиса.

Полузадушенный талант
 Хрипит в бреду предсмертных песен:
 И этот черный бриллиант
 Не так давно украла плесень.

Трепещет сердце от отрав
 Подстерегающих рефлексий,
 Один лишь миг, и вновь ты прав –
 Убить, украсть, подделать вексель!

11. САМЦЫ

Их душит зной и запах тьмы,
 Им снится ласковое тело,
 Оно цветет на ткани белой
 За каменной стеной тюрьмы.

Рычат, кусая тюфяки,
 Самцы, заросшие щетиной,
 Их лиц исчербленная глина
 Измята пальцами тоски.

Но по утрам движенья их
Тверды, стремительны и четки,
И манят старые решетки
Огнем квадратов голубых.

Весна безумие зажгла
В ленивом теле, в жире желтом,
И по ночам над ржавым болтом
Скрипит напильник и пила.

И со второго этажа
Прыжок рассчитанный не страшен.
Пускай теперь с площадок башен,
Крича, стреляют сторожа.

12. ДАВНЕЕ

Мелькнул фонарь, и на стальном столбе
Он – словно факел. Резче стук вагона.
Гляжу на город с мыслью о тебе,
И зарево над ним, как светлая корона.
Пусть наша встреча в отдаленном дне,
Но в сердце все же радостные глубины:
Ты думаешь и помнишь обо мне,
Ведь ты светло и нежно любишь.
В вагоне тесно. Сумрачен и мал,
Какой-то франт мое присвоил место,
И на вопрос: «А кто вас провожал»,
Как радостно ответил мне: невеста.

13. ПАРОВОЗ

Муза бега, бешеная муза,
Опрокинутые сторожа!
Паровоз, оторванный от груза,
Ржет и беглеца не удержать.

Позади, в оставленных вагонах
Носят чай и просят молока...
На пустых и гулких перегонах
Оседающие облака.

Звонкой мостовины над оврагом
Прогремел расхляснутый ушат.
У тебя, грохочущий бродяга,
Стройная и легкая душа!

Пролетев по дымогарным трубам,
Дыбом взброшенная на скаку, -
Вот она, завязанная клубом,
И губами – к медному гудку.

14. СПУТНИЦА

На степных просторах смерть кочует,

Как и мы, бездомные скитальцы,
 На траве желтеющей ночует,
 Над костром отогревает пальцы.

На степовьях уберечь красу как?
 Старый саван вытерт о заплечья.
 Поиняла щеристая сука –
 Сумрачная ярость человечья.

Смерть! когда же от дымящих зарев
 Ты поднимешь к небу глаз безвекый:
 - Выполнен приказ твой государев –
 Нет живого, тлеют человеки.

А пока, кочующая с нами,
 Ледени морозом воздух ковкий,
 Волочи истрепанное знамя,
 Заряжай солдатские винтовки.

15. О РОССИИ

Россия отошла, как пароход
 От берега, от пристани отходит.
 Печаль, как расстояние – растет.
 Уж лиц не различить на пароходе.

Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
 Басовое взывание сирены.
 И вот корма. И за кормой – тесьма
 Клубящейся, все уносящей пены.

Сегодня мили и десятки миль,
 А завтра сотни, тысячи – завеса.
 И я печаль свою переломил,
 Как лезвие. У самого эфеса.

Пойдемте же! Не возвратится вспять
 Тяжелая ревущая громада.
 Зачем рыдать и руки простирать,
 Ни призывать, ни проклинать – не надо.

Но по ночам – заветную строфу
 Боюсь начать, изгнанием подрублен, -
 Упорно прорубающий тайфун,
 Ты близок мне, гигант четырехтрубный!

Скрипят борта. Ни искры впереди,
 С горы и в пропасть!.. Но обувший уши
 В наушники, не думает радист
 Бросать сигнал: «Спасайте наши души!»

Я, как спортсмен, любуюсь на тебя
 (Что проиграю – дуться не причина)

И думаю, по-новому любя:
- Петровская закваска... Молодчина!

16. ПИРАТЫ

Зорче слушай команду,
Зарядив фальконет:
Белокрылую “Ванду”
Настигает корвет.

Он подходит к добыче,
Торопя абордаж,
И на палубу кличет
Капитан экипаж.
Нет к былому возврата,
К падшим милости нет,
Но запомнит пирата
Королевский корвет!

Грозен в погребе порох,
Дымно тлеет фитиль, -
Бросит огненный ворох
Золотистую пыль.

И туда, где струится
Дым зари в небеса –
Обожженные птицы,
Полетят паруса!

Забывайтесь, проклятья!
Шире зарься, рассвет!
Мы погибнем, как братья,
Королевский корвет.

17. В СКРИПКЕ

Золотой человечьей тоской
В этот вечер тоскую.
Он, туманный такой,
Ночь приблизит какую?

Разве эта рука не сильна,
Разве эти пути не широки.
Но смотри, умягченное льна
Соскользнувшие строки.

Вот туман распыляет огни,
И от моря широкое пенье...
Ты – влекущий магнит,
Я – пружины стальное терпенье.

Видишь, волею сжаты уста,
А умру, истомленный истомой,
И блеснет синеватый металл

На разорванной ране излома.

18. В ИЗГНАНЬИ

С головой под одеяло,
Как под ветку птаха,
Прячется ребенок малый
От ночного страха.

Но куда, куда нам скрыться,
Если всем мы чужды?
Как цыплята под корытце,
Под крылечко уж бы!

Распластавшийся кругами
В небе рок, наш коршун.
Небо синее над нами –
Сводов ночи горше!

Пушкин сетовал о няне,
Если выла вьюга:
Нету нянюшек в изгнаньи –
Ни любви, ни друга!

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Юноша, как яблоко, румян,
От родных уплыл за океан.
Жил безвестно он в краю чужом,
Счастье он нашел за рубежом.

Зрелым мужем, весел и богат,
Странник возвращается назад.
Вот и дом. Стучит... Ответа нет...
Вышел потревоженный сосед.

- Где отец мой? – В ветре шелестит:
- Твой отец на кладбище лежит.
Холмик неоправленный сдвоя,
Рядом с ним и матушка твоя...

- Где мой брат? – И голос отвечал:
- Брат твой нищим попрошайкой стал.
Где-нибудь в трущобе, вниз лицом
Он лежит, исколотый шприцом.

- Где сестра?... - Приезжему сосед
Почему-то медлит дать ответ.
Хлопнул дверью; доблеснула мгла
Черным ветром: «Лучше б умерла!..»

Город черен, грозный город спит.
Рыжий котик возле ног пищит.
Взял зверька под теплое пальто,

А глаза – к звезде. В глазах: «За что?..»

20. ЭПИЛЕПТИК

И снова радость хлынувшего света
В моей безглазой, бездыханной тьме!..
За что мне это, и откуда это,
Какая весть пришла в каком письме?

Никто не пишет в адрес мой забытый,
Заброшен я в селении глухом.
Лишь раз в году в ворот чугунных плиты
Стучится кто-то голубым перстом.

И я бегу, весь трепет, беспокойство,
На черный камень моего крыльца,
И прянет свет – моей болезни свойство –
От дивного, от чудного лица.

По жилам пламень пробежит летучий,
Вселенная раскроется мне вся,
И вскрикну я, забившийся в падучей,
Такого знания не перенеся.

Куда и кто возносил единым взмахом,
Зачем низвергнул с высоты назад?
И люди на меня глядят со страхом,
И я угрюмо опускаю взгляд.

21. ЯСНОСТЬ

В этой комнате много солнца...
Ранью утренней, через щель,
Золотистые волоконца
Зажигают мою постель.

Через ставни, из всех отверстий,
Золотая глядит весна,
Как улыбка, на рыжей шерсти
Одеяла лежит она.

Ночью думал о том, об этом,
По бумаге пером шурша,
И каким-то подземным светом
Бледно вспыхивала душа.

От табачного дыма горек
Вкус во рту. И душа мертва.
За окном же – веселый дворик,
И над двориком – синева.

Зыбь на лужах подобна крупам
Бриллиантовым – глаз рябит!
И задорно над сердцем глупым

Издеваются воробьи.

22. ЗАКИПАЮЩИЕ СТРУНЫ

Давно ли в форточку мороз
Дышал седым холодным паром,
И ветер снег лучистый нес
По скользким, звонким тротуарам?

Гляди, - чудесная весна
Уже согнала снег и стужу,
И, право, каждая жена,
Как жениха, целует мужа.

Какой чудеснейший наркоз
Нам возвращает бодрость юных?
Ведь в каждом сердце – ворох роз
И закипающие струны!

Жизнь стала снова так легка
Не оттого ль, что сняли шубы,
Что в руку просится рука,
Глаза – в глаза, и губы – в губы?

Весна над миром ворожит,
Лазурью встав над рыжей крышей.
Как хорошо, как вкусно жить,
Когда апрелем сердце дышит!

23. БЕЛАЯ ФЛОТИЛИЯ

Сыплет небо щебетом
Невидимок-птаха,
Корабли на небе том
В белых парусах.

Важные, огромные,
Легкие, как дым, -
Тянут днища темные
Над лицом моим.

Плавно, без усилия,
Шествует в лазурь
Белая флотилия
Отгремевших бурь.

24. НА ЦЫПОЧКАХ

Моя душа – на цыпочках. И нечто
Поет об изумительном, большом
И удаленном в бесконечность... Речь та –
Как контур, сделанный карандашом.

Прикосновение вечного – интимно,
И может быть, задумчивость моя

В туманности, светящейся и дымной –
Летящее, оторванное Я.

Вот облако, похожее на ветер,
Вот облако, похожее на взрыв...
Сегодня глаз прозорливо отметил
На всем следы таинственной игры.

Но это – миг, и он – свивает свиток.
Сконфуженный, я пудрю складки лба.
К чему они, одной из тех улиток,
Которые под тяжестью горба?

25. БРОДЯГА

Где ты, летняя пора –
Дунуло и нету!
Одуванчиком вчера
Облетело лето.

Кружат коршунами дни
Злых опустошений.
Резкий ветер леденит
Голые колени.

Небо точно водоем
На заре бескровной.
Хорошо теперь вдвоем
В теплоте любовной.

Прочь, согретая душа.
Теплая, как вымя:
Мне приказано шуршать
Листьями сухими!

Непокрытое чело,
Легкий шаг по свету:
Никого и ничего
У бродяги нету!

Ни границы роковой,
Ни препоны валкой:
Ничего и никого
Путнику не жалко!

Я что призрак голубой
На холодных росах,
И со мною только мой
Хромоногий посох.

26. ОЧЕНЬ ТЕМНО

Было очень темно. Фонари у домов не горели.
Высоко надо мной все гудел и гудел самолет.

Обо всем позабыв, одинокий, блуждал я без цели:
Ожидаящий женщину, знал, что она не придет.

В сердце нежность я нес. Так вино в драгоценном сосуде
Осторожнейший раб на пирах подавал госпоже.
Пусть вино - до краев, но на пир госпожа не прибует,
Госпожа не спешит: ее нет и не будет уже!

И в сосуде кипит не вино, а горчайшая влага,
И скупую слезу затуманенный взор не таит...
Я на небо гляжу. Я брожу, как бездомный бродяга.
Млечный Путь надо мной. "Млечный Путь, как седины твои!"

27. У ПРЕДЕЛА

Изгнание, безвыходность... Пустое!
Я мог бы жить еще года, века,
Как сорок лет, что жил самим собою,
Не зная ощущенья тупика.

Негодовать, влюбляться, удивляться,
С самим собой изнемогать в борьбе.
С надменной миной сноба-верхоглядца
Подкрадываться к самому себе...

Но я себе наскучил, как сожитель
По каземату, скрытому в душе.
Так что же делать мне с собой, скажите,
Самим собой зачеркнутым уже?

Беззвездный год мной терпеливо прожит, -
Он отошел, ничем не пособя,
Не выползти из одряхлевшей кожи,
Не убежать от самого себя!..

28. ВОЗМЕЗДИЕ

Я потерял тебя давным-давно,
Давным-давно была последней встреча.
Навек твое захлопнулось окно,
Но незабвенный не забылся вечер.

Где ты теперь, потерянная мной -
Улыбка, нежность, золотистый волос?
Ведь до сих пор я слышу за собой
Печально призывающий твой голос.

И я тревожно оглянусь назад, -
Невольное срывается движенье...
Но позади - холодные глаза
С надменною усмешкой удивленья.

Не в жмурки ли играешь ты со мной,
Нежнейший призрак, ставший беспощадным?

Не мстишь ли мне, что этот путь земной
Сомнительным вручал я Ариаднам?

Но мной самим твоя прервалась нить,
Мгновение непоправимо злое...
До самой смерти сердцу будет мстить
Мое неугасимое былое.

29. ПОСЛЕДНЕЕ

Последний рубль дорог,
Последний день ярок,
Их не отнимет враг,
Их не отдашь в подарок.

Последняя любовь – самая ласковая,
С сединою на виске,
И приходит она, ополаскивая
Душу в горечи и тоске.

И отдашь ее тем, которым
Не нужна ее вышина.
...Но душа, овладев простором,
Будет горечи лишена,

Ибо, памяти зов послушав,
Вспомнишь ты, что в былом и сам
Мял и комкал чужие души,
Обращенные к небесам.

30. ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

Вечер, ночь ли, - длится, длится
Странный час! Вокруг огней
Отрастают все длинней
Золотистые ресницы.

Нынче в них – живая дрожь, -
Не печаль ли в ней сегодня?
Как таинственно хорош
Этот вечер новогодний!

День не хочет край земной
Покидать, чтоб кануть где-то.
В небе отблеск слюдяной, -
Поцелуй прощальный это!

И замедленно идет
Время к полночи суровой, -
Умирает Старый год,
Но еще не явлен Новый.

И на этом рубеже,
На таинственнейшей грани, -

Все сердца – настороже
Опасений, упований.

Никнут отблески зари,
Гасит год последний лучик,
И сияют фонари
Все мохнатей, все колючей.

31. НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Голубому зерну звезды
Над домами дано висеть.
Этот свет голубей воды
И на нем теневая сеть.
Этот шаг, что скрипит в снегу,
На пластах голубой слюды, -
Не на том ли он берегу,
Где сияет огонь звезды?

Город нового года ждет,
Город сном голубым объят.
То не рыцарь ли к нам идет
В медном звоне тяжелых лат?
Не из старой ли сказки он,
Из фабль и седых баллад,
На бульваре пустой киоск
Зазвенел его шагу в лад.

Одиночество – год и я,
Одиночество – я и Ночь.
От луны пролилась струя
На меня и уходит прочь.
Хорошо, что я тут забыт,
Хорошо, что душе невмочь.
На цепях голубых орбит
Надо мной голубая ночь.

Если вспомнишь когда-нибудь
Эти ласковые стихи, -
Не грусти за мою судьбу:
В ней огонь голубых стихий.
Этот снег зазвенел чуть-чуть,
Как листва молодой ольхи.
Как головка твоя к плечу,
Жмутся к сердцу мои стихи.

Много в мире тупых и злых,
Много цепких тугих тенет,
Не распутает их узлы,
Не разрубит и новый год.
И его заскользит стезя
По колючим шипам невзгод,
Но не верить в добро нельзя

Для того, кто еще живет.

32. СУДЬБА-ЗЛОДЕЙКА

С Новым Годом!.. Как большие льдины
Из предельных стран, издалека,
Проплывают горькие години
Мимо беженского островка,

Мимо нас, что с каждым новым годом
Все старей, - седеет борода!..
Сколько их прошло неспешным ходом
Лишь затем, чтоб кануть навсегда!

И с песчаной отмели пустынной
Мы следим за ходом этих льдин.
День проходит бесконечно длинный,
Дни идут, и каждый – как один!

Смотрим мы в темнеющие дали, -
Не примчит ли, обогрен закат,
За людьми, что ждать уже устали,
Белокрылый, радостный фрегат?

Где он, где он, голос капитана?
Скоро ль встречи долгожданный час?..
Хорошо уплыть в такие страны,
Где еще не разлюбили нас!

Но враждебна нам судьба-злодейка, -
Нет фрегата!.. К берегам пустым
Лишь подходит черная ладейка
За тобой, за мною, за другим...